

КИРИЕНКО
Иван Вячеславович

магистратура, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия),
kirienko.ivan97@gmail.com

«ДЕТРАВМАТИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ ИСТОРИЗАЦИЮ» КАК ОПТИКА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РАБОТЫ К. Г. МЯЛО «НАЦИОНАЛЬНЫЙ АПОКАЛИПСИС»

Научный руководитель:

Антощенко Александр
Васильевич

Рецензент:

Соломещ Илья Мотелевич

Статья поступила: 09.06.2023;

Принята к публикации: 28.09.2023;

Размещена в сети: 30.09.2023.

Аннотация. В данной статье на основе типологии историзации Й. Рюзена и дискурс-анализа рассматривается работа К. Г. Мяло "Национальный апокалипсис" (1993). Выявляются такие стратегии преодоления исторической травмы деструкции СССР, как нормализация, эстетизация и специализация. Делается вывод о том, что анализ исторического нарратива, ориентированный на выявление практик детравматизации, способствует более глубокому пониманию сложных исторических событий и процессов.

Ключевые слова: историческое сознание, идеологический подтекст, национально-политический дискурс, ментально-идеологический дискурс, имперский дискурс, структурно-функциональный дискурс, нормализация, специализация, эстетизация

Для цитирования: Кириенко И. В. «Детравматизация через историзацию» как оптика историографического анализа работы К. Г. Мяло «Национальный апокалипсис» // StudArctic Forum. 2023. Т. 8, № 3. С. 28–38.

В данной статье анализируются причины окончания существования СССР, представленные в работе к. и. н., культуролога, политолога и общественного деятеля К.Г. Мяло (1936 – 2018) «Национальный апокалипсис», опубликованной на страницах журнала «Родина» в 1993 г. Несмотря на то, что в предлагаемом исследовании рассматривается только один текст, восприятие собственного повествования в качестве историографического представляется обоснованным, т. к. в центре нашего внимания оказалась рефлексия по поводу одной из центральных проблем Новейшей истории России.

Представляется важным упомянуть о сущностных характеристиках историографических обзоров, их структуре, которая представляется нам достаточно типовой. Клишированный характер соответствующих текстов был отмечен Б.Н. Мироновым, который предложил читателям сфокусироваться на теоретических установках [Миронов : 141] российских историков при рассмотрении причин (далее мы будем называть их фатальными факторами – ФФ) исчезновения СССР с политической карты мира как наиболее продуктивных способах осмысления произошедшего. Отметим работу В.В. Кириллова, выделившего три ключевые «парадигмы» историографии ФФ: тоталитарную, имперскую и модернизационную. Исследователь говорит также о таких путях объяснения случившегося, как «лично-субъективная причина» [Кириллов : 63], которую нам представляется более точно именовать «человеческим фактором» - этот расхожий оборот применяется в

отношении катастроф, однако в случае с коллапсом СССР схожим образом наводит на определенное восприятие произошедшего. Понятно, что сторонники «человеческого фактора» вводят в свое повествование экзистенты (имена существительные в описании исторического процесса) [Барт : 433] М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, а также представителей их команд в качестве ФФ с одной стороны, а с другой - как попытку антропологизации исторического процесса посредством введения акториальных структур [Эко : 72]. Идея об объективных факторах также находит свое место в историографии и связывается, главным образом, с конструированием такого образа СССР, которому был имманентно присущ структурный кризис во всех сферах общественной жизни. Его всеобъемлющий характер на уровне репрезентации выражается представлением о неизбежной деструкции системы, вызванной внутренними противоречиями. Такой подход может быть манифестирован словами историка А.В. Кива: «Приходится удивляться не тому, что эта авантюра так быстро кончилась, а тому, что она так долго продолжалась» [Кива : 28-29].

Идея неизбежности и предопределенности характерна для упоминавшейся выше имперской парадигмы, порождающей соответствующий способ говорения о прошлом – антиимперский дискурс. Его репрезентация представляется конструированием образа СССР как «земшарной республики», советской империи. Соответствующие нарративы, как правило, связаны с историзацией наиболее темных, кровавых страниц имперского советского прошлого. Такая модальность поиска и интерпретации ФФ связывается с механицистским доказательством, в котором крах империи – непреложный закон и вопрос времени. Определенную роль здесь, несомненно, играют архетипические структуры, интернированные в исследовательский габитус – в частности, мифологизированные представления о крушении Римской империи, Российской империи и т. д. Однако, у него были и свои немногочисленные противники, о работе одного из которых пойдет речь.

Правители империи делают самые высокие ставки в большой геополитической игре, при этом неся колоссальные риски, связанные с противостоянием другим государствам. Свое понимание данного концепта историк А.В. Шубин сводит к роли внешнеполитических факторов как одной из причин деструкции государства [Шубин : 15], которые, как справедливо отмечают А.В. Алексеев и Е.В. Алексеева, являются ключевым для некоторых исследователей [Алексеев : 4].

Закончим наш не претендующий на исчерпывающий характер обзор историографии проблемы обращением к теории модернизации (ТМ), приобретшей особую популярность в РФ 1990-х гг. Данный комплекс взглядов на развитие мировой цивилизации начал формироваться в 1950-е гг. на границе марксистских и не марксистских объяснительных гипотез. Историческим фоном зарождения теории модернизации был распад колониального мира. Следствием этого стала установка исследователей на отказ от европоцентризма и обращение к истории государств, доселе находившихся на периферии интересов академической мысли [Мау : 14] Представляется целесообразным интерпретировать ТМ в качестве некоего противовеса концепциям «империи» и «тоталитаризма», т. к. сторонники этого направления акцентируют внимание, например, на успехах в сфере развития промышленного производства, достигнутых СССР. Вообще, представление о том, что СССР был государством, которое успешно решило задачи индустриализации, является дериватом ТМ.

Итак, наш экскурс был связан с выявлением основных положений, характерных для историографического анализа интересующей нас проблемы. Наше предположение в следующем: большинство работ историографического плана в той или иной мере будет

дублировать те положения, о которых было сказано выше. И это – в лучшем случае. Как правило, исследователи лапидарно распределяют ФФ по группам исследований, при этом не разделяя работы историков и представителей смежных дисциплин, что будет заслуживать отдельного рассмотрения в рамках другой нашей работы. Перечисленное выше вовсе не означает того, что такая архитектура историографии является неудовлетворительной, как может показаться на первый взгляд. Господствующий механизм построения историографических текстов является адекватным по причине весьма широкого перечня работ, выдвигающихся для рассмотрения. Ниже представлен взгляд, который еще не применялся в историографических обзорах, но который представляется продуктивным при анализе отдельно взятого нарратива.

К.Г. Мяло написала работу «Национальный апокалипсис», в эпиграфе к которой ей пришлось задаться вопросом о том, не ждет ли РФ повторение участи СССР, которую исследовательница обозначила эсхатологической метафорой. Эта статья воспринимается автором в качестве попытки ответить на данный вопрос при помощи соответствующей техники репрезентации, осуществляемой на протяжении всего повествования. Столь яркие эмоциональные оценки (апокалипсис) демонстрируют процесс кризиса, который сочетался с попыткой его преодоления посредством наррации / интерпретации. Именно такой взгляд на мотивацию историка, убедительно обоснованный Й. Рюзенем, мы склонны разделять. Поиск стратегий того, что Й. Рюзен именовал «детравматизацией через историзацию» являлся целью данной статьи [Рюзен : 56-57]. Этот поиск осуществлялся параллельно с применением некоторых элементов дискурс-анализа, который представляется нам альтернативным способом рассмотрения историографических сюжетов по интересующей нас проблеме. Вообще, травма – это необходимое условие функционирования исторического сознания, само возникновение которого является реакцией на нее. Статья К.Г. Мяло представляет значимый пример убедительности теоретических штудий Й. Рюзена, ставших для нас оптикой восприятия, порождающей ряд вопросов, которые стоит задать нарративу.

«Погрузивший страну в водку Ново-Огаревского процесса, бывший президент бывшей страны не лгал, когда заверял бывших граждан о том, что реорганизует СССР в соответствии с ленинскими принципами», – отнюдь не беспристрастно констатирует К.Г. Мяло. Отметим частотность употребления слова «бывший», которое на имплицитном уровне повествования связывается с критическим восприятием М.С. Горбачева, с одной стороны, а с другой – с авторскими сожалениями по поводу произошедшего. Метафора «погружения» может выступать образом «новой российской смуты» и вполне явным уколom в адрес Б.Н. Ельцина, страдавшего бытовым алкоголизмом. Возвращаясь к авторским оценкам М.С. Горбачева, отметим, что их обличительный пафос имеет и иной уровень восприятия. В частности, оккунент «не лгал» [Мяло : 12] выступает как скрытый укор в адрес генсека, который, возникает ощущение, «не лгал только на этот раз».

Далее автор осуществляет некоторую подмену манипулятивного свойства, говоря об СССР как вариации исторической России. Нам это представляется важным в силу того, что данный регион нарратива является попыткой введения «маленького рассказа» [Лиотар : 144] как противопоставления идеологическому мейнстриму РФ начала 1990-х годов, для которого на уровне того, что сегодня называется «повесткой», было характерно и резко негативное восприятие СССР. Однако если в академическом дискурсе можно было по-разному относиться к причинам деструкции СССР, в том числе и как к окрашенной в позитивные тона исторической закономерности, то крушение «исторической России» подразумевало и подразумевает скорее однозначную оценку в качестве катастрофы - отношение неприятия. К.Г. Мяло хотела расширить собственный травматический опыт пережитого 1991 г., связав его не с крушением социализма, вызванным информационным контекстом молодой РФ, а с

потерей «исторической России» [Мяло : 12].

«Суть ленинского замысла заключалась в расчленении страны, превращении ее в поле и инструмент реализации интернациональных и транснациональных целей» [Мяло : 12]. В своем диегезисе автор ссылается в т. ч. и на слова В.И. Ленина, произнесенные им в декабре 1917 г., из которых следует, что для большевиков не важно, на какое количество республик распадется Россия, куда значительно «сохранение союза между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией» [Мяло : 12]. Таким образом, присутствие экзистента «Ленин» является привилегированным значением, одной из узловых точек данного дискурса [Барт : 433], как и в случае с упоминанием М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, демонстрирующим присутствие ценностно-рационального исторического сознания. Представительница такого режима исторической ментальности в своем обращении к прошлому задается главным вопросом российской истории, в ответе на который она не преуспела: «кто виноват?» [Гаташов : 60].

Центральная фигура повествования – В.И. Ленин, «за утопические фантазии которого мы уже заплатили безумную цену» [Мяло : 15]. Употребление местоимения «мы» выполняет ту же роль, что и синонимизация понятий «историческая Россия» – «СССР». Его посредством автор пытается обозначить общность возникших проблем, попытку заинтересовать настроенного антисоветски предполагаемого читателя [Эко : 11] осмыслением общей беды – «национального апокалипсиса», повторения которого следует избежать. «Мы» здесь также осуществляет властные функции и управляет читательским восприятием, если помнить размышления о проблеме дискурса М. Фуко, который ставил знак равенства между воздействием знания и воздействием власти [Фуко : 266].

Итак, «круг виновных», помимо «вождя мирового пролетариата», пополняется М.С. Горбачевым и в меньшей степени Б.Н. Ельциным. На этой платформе экзистентов автор конструирует сложный характер злого умысла, который всегда был присущ «врагам России» – такой образ возникает в нашем сознании при обращении к имплицитному уровню текста. Именно в таком качестве нарратор воспринимает Д. Ллойд-Джорджа, заявившего «о необходимости расчленить Россию на несколько государств, каждое из которых не должно играть самостоятельную политическую роль» [Мяло : 12]. Нарратор ссылается и на З. Бжезинского в качестве собирательного образа всей послевоенной советологии, «коньком» которой была идея расчленения СССР» [Мяло : 12]. Конфигурация цитат избранных автором исторических деятелей неслучайна в своей семантической близости и текстуальной последовательности. Конечно, они концептуально связываются с таким типом дискурса, который мы назовем «дискурсом западного влияния». Его отличительная черта – историзация капиталистического мира как ФФ для мира социалистического. Отметим, что между дискурсом западного влияния и конспирологическим дискурсом (теории о предательстве элит, плане Даллеса и целенаправленном, методическом разрушении СССР с помощью Перестройки, управляемой извне) достаточно сложно провести разграничение. Это скорее две стороны одной медали.

Пример такого типа сообщения: «Осуществить вековую мечту многих и многих геостратегов Запада (включая А. Розенберга и Гитлера) сегодня особенно просто» [Мяло : 15]. Возникает определенный соблазн назвать данный фрагмент реализацией стратегии категоризации [Рюзен : 57], т. к. 1991 г. здесь представляется как одна из удавшихся многолетних попыток «западных врагов». Нарратор также утверждает идею цикличности, естественности недоброжелательных намерений в отношении «государства русских», что с некоторой натяжкой можно отнести к особой форме стратегии нормализации [Рюзен : 57], но со знаком минус», т. к. в случае с Западом злой умысел – это свойственное ему качество «всегда и везде».

Критика территориально-административного устройства СССР переплетается с критикой советской историографии, вслед за В.И. Лениным воспринимавшей имперский способ организации государства с резко критических позиций. Констатируем, что для данной репрезентации характерно присутствие критического исторического сознания как попытки выйти за клишированный набор понятий советской историографии, «бичующей» империю, что само по себе выступает проявлением критического ИС (что неудивительно, учитывая те трансформации, которым подвергалась отечественная историография с периода поздней перестройки). Идеальный тип критического исторического сознания – это поиск новых отношений к прошлому, отказ от понятийных рамок, санкционированных прежней исторической культурой, следование в русле которой характерно для нормального исторического сознания [Линченко : 25]. Для К.Г. Мяло империя – один из вполне естественных вариантов цивилизационного развития, характерного для Германии, Англии, Китая и, в специфическом варианте, для СССР. Характерные оккurrentы, в особенности, означающие передовые европейские государства – это часть аргументации, работы на информационном контексте 1990-х. Автор будто задается риторическим вопросом: «Если наиболее преуспевающие страны Европы были империями, то почему России отказывается в этом праве?» Данная часть мимесиса [White : 4] позволяет говорить о реализации стратегии нормализации – «империя не всегда империализм, как учил Ленин и восходящая к нему Демроссия... они всегда многонациональны, что не означает их колониального характера» [Мяло : 12]. Здесь налицо вторжение имперского дискурса в сочетании со стратегией эстетизации как ретушированием, нивелировкой кровавых, отталкивающих сторон травмирующего опыта, акцентировании на тех его сторонах, которые могут сделать ужас приемлемым [Рюзен : 58]. Для К.Г. Мяло Российская империя в образе СССР – не приговор, не повод к активации анархистской идеологии, а скорее актуализации идеологии консервативной / либеральной.

«...Присоединение сибирских территорий происходило без целенаправленного истребления аборигенов, как это было с индейцами в Северной Америке» [Мяло : 12]. Однако для попавших под имперский каток вряд ли есть разница, был ли он убит целенаправленно в рамках «человеческой охоты», как это было в мире Дикого Запада, или просто «попал под горячую руку» Ермака и его казаков. На уровне фигурации данных нарратор обходится без упоминания об ама натах, о войнах России с чукчами и некоторых других, более известных эпизодах времен расширения империи. Наше внимание к имперскому компоненту российской истории, который является центральным сюжетом повествования автора, неслучайно по той причине, что отмеченная выше предопределенность судьбы такого государства связывалась некоторыми историками в т. ч. с формированием национального самосознания народов, которые не забыли нанесенных им обид. Данный пласт объяснений в рассмотренной работе игнорировался, что также позволяет пролить свет на манипулятивную природу текста.

Вообще, обращение к имперской специфике советского государства в форме того, что И. Дройзен называл монографическим изложением [Дройзен : 33], представляет попытку К.Г. Мяло обосновать следующую идею: «будь оно создано с большим вниманием к интересам русского большинства, 1991 г. можно было бы избежать». Эта установка выступает как либеральный идеологический подтекст подтекста, если пользоваться тропологией Х. Уайта [Уайт : 34]. Исследовательница формистски утверждает уникальность русского народа, органицистски связывает отдельные сегменты советского прошлого общей «имперской идеей» и конструирует идею «тонкой настройки», необходимости изменений при конечном сохранении системы [Уайт : 514, 487]. Либеральный подтекст К.Г. Мяло сочетается с консервативным – империи «дается право на жизнь», а судьба СССР

воспринимается в качестве однозначной трагедии, которую можно манифестировать словами «никогда больше». Вообще, эта часть повествования воспринимается как оксюморон.

Обратимся к следующей части сообщения, в рамках которого автор более целенаправленно рефлексировал о главном событии 1991 г.: «государственное самоопределение нерусских народов не должно было происходить за счет уничтожения исторически сложившейся русской государственности» [Мяло : 13]. Понять семантику словосочетания «нерусские народы» можно только исходя из контекста предыдущего повествования. На имплицитном уровне, скрывающимся под лакированным слоем истории [Рюзен : 61], содержится идея отказа некоторым этносам в праве на внеимперское существование. Отметим еще один немаловажный аспект. Составление исторического текста, а тем более для популярного журнала «Родина» с многотысячной читательской аудиторией, сопровождается не только скрупулезным подбором фактов, но и несомненным писательским мастерством, коим несомненно обладала К.Г. Мяло. Конечный текст также должен пройти «фильтр» строгого рецензирования. Слово «нерусский» в широком обиходе у «русских» читателей имеет значение «анормальный». Его можно было заменить на экзистенты «представители других этносов, национальностей и т. п.». Это важно тем более, что в картине мира К.Г. Мяло «этнический фактор» играл роль ФФ, а значит в круг виноватых ценностно-рациональное историческое сознание вполне могло поместить и «нерусских». К этому промежуточному выводу мы вернемся далее, а пока отметим, что внимание к «национальным сюжетам» – характерная особенность следующего типа дискурса, который мы назовем «национально-политическим».

На мысль о скрытом присутствии имперского дискурса как системообразующем факторе повествования К.Г. Мяло наводит употребление экзистента «русская государственность». Признавая за данным этносом роль государственного ядра, автор, как нам кажется, понимала, что можно использовать и оборот «российская государственность», чего не сделала намеренно. И это вполне укладывается в общую стилистику повествования, нацеленного на формирование имперской иерархии. Возможно, в этой сентенции нарушается принцип историзма, т. к. мы подходим к интерпретации, в качестве мерки используя современный, до конца не прижившийся концепт «россияне», начало утверждения которого относится к 1990-м гг. Действительно, к моменту написания статьи (1992 г.) Конституция, закрепившая в качестве источника политической власти многонациональный народ РФ (1993 г.), еще не была принята. Государство находилось в поисках выхода из сложного лабиринта национальных противоречий, но «русский вопрос» (об этом дальше) уже верифицировался в публичном поле как крамола. Нарратив К.Г. Мяло содержит и другие радикальные проявления имперского дискурса, однако в силу своего радикализма сокрытые, недоступные в режиме восприятия текста как закрытого. «Донорством русской истории» автор называет формирование «костяка инженерно-технических кадров» в «ближнем зарубежье» [Мяло : 15]. Методологически здесь обнаруживается компонент ТМ, а на имплицитном уровне подразумевается идея невозможности для «туземцев» пополнить класс пролетариата. Неслучайно применение К.Г. Мяло экзистента «донорство» – речь идет о «принципе крови», некотором натуралистическом компоненте.

«На территории СССР авторитарным путем создавались национальные государства при губительном соединении этнического и территориального критериев. Они выкраивались из государства русских», – утверждает исследовательница [Мяло : 14]. Данное высказывание выводит ФФ из специфики территориально-административного устройства государства и является разновидностью структурно-функционального дискурса. Такой способ говорения о прошлом связывается с репрезентацией многочисленных уязвимостей и копившихся противоречий внутри СССР, вызванных его социалистической спецификой. Оккурент

«выкраивались» связывается с функциональной ролью В.И. Ленина как «мастера-портного», раскромсавшего и по-новому сшившего такое государство, национальные конфликты в котором были предопределены.

«Русские являются принесшими историческую жертву в виде своего исторического государства, с целью создания общего дома народов – СССР», – утверждает исследовательница [Мяло : 15]. Это создание «евразийского мегагиганта» для К.Г. Мяло опять обходится без представителей «не титульных народов», которые также могут быть восприняты в качестве жертв, лишившихся возможности создать самостоятельные государства, но обязанных стать частью СССР. Кроме того, роль самих «нерусских народов» в процессе социалистического строительства также выводится за скобки. Здесь достаточно отчетливо угадывается и мессианская идея как важная компонента имперского сознания.

По мнению К.Г. Мяло, «русский вопрос» присутствует только в контексте империализма и шовинизма. Это приводит к тому, что ставится знак равенства между любыми проявлениями сильного национал-государственного чувства (естественного для народа, теряющего свою государственность) и фашизмом [Мяло : 15]. Эмотивная функция языка здесь становится частью исторического сознания [Рюзен : 45]. Также стоит отметить, что по нескольким названным выше причинам, дискурс К.Г. Мяло нельзя в полной мере назвать фашистским (здесь стоит определиться с понятиями: слова «фашист», «красно-коричневая мразь» применялись к сторонникам ГКЧП. В советской традиции слово «фашист» означает высший предел зла. В контексте 1990-х – реваншизм и имперские устремления). Автор также озабочен судьбой «русских иностранцев» – так К.Г. Мяло иронически называет представителей «титульной национальности», в количестве 30 млн. человек оказавшихся за пределами России. Историк связывает этот процесс с «расщеплением национального тела России, на возрождение которого были потрачены века тяжелой исторической работы». Очевидно, что ее идеалом является национальное государство, которое должно притянуть всех русских обратно, чтобы снова стать «евразийским мегагигантом» [Мяло : 15]. В этом обнаруживается логическая связь с подразумеваемой мессианской идеей: русские обязательно должны быть элементами империи на том основании, «что их предки когда-то ценой огромных усилий собирали государство после свержения монгольского ига» [Мяло : 15].

«В годы войны в идеологически изуродованной форме произошло возрождение «русской идеи». Организация государства мешала процессу самовосстановления, его восприятия как русской России. С грузом этих проблем мы пришли к 1985 г.», – заявляет К.Г. Мяло [Мяло : 14]. Великая Отечественная война в ее дискурсе является поворотным событием, в качестве примера которого Й. Рюзен воспринимал 1989 г., ставший для немецкого самосознания отправной точкой для формирования новой идентичности [Рюзен : 55]. Метафора груза проблем здесь отсылает к идее о том, что назрела необходимость перемен, по мысли автора должны воплощаться в мягкой эволюции в сторону федерального устройства [Мяло : 14]. Стоит отметить присутствие в рассматриваемом повествовании ментально-идеологического дискурса, понимаемого в качестве такой техники репрезентации, которая подразумевает эрозию коммунистической доктрины в качестве ФФ.

«Широкое употребление формул «Россия и Чечня», «Россия и Татарстан» не очень волнуют российское руководство, в государстве которого скоро каждый народ изберет своего президента» – данный словесный оборот весьма репрезентативен, т. к. показывает то, что Й. Рюзен именовал «зависимостью от прошлого» / «фатальной причинностью» [Рюзен : 47]. Отсюда явственнее просматривается сентенция Б. Кроче о том, что целью историописания является не поиск навсегда утраченного прошлого, но некоторых элементов настоящего, т. к. именно в нем состоит мотив нашего интереса к минувшему [Кроче : 9].

Итак, подведем итог, сфокусировавшись на ключевых результатах нашего анализа. Во-первых, историческое сознание автора можно воспринимать как критическое по той причине, что перед нами повествование академического историка, пусть и представленное на страницах научно-популярного журнала. Нарратив К.Г. Мяло был спровоцирован критическим кризисом и реализовывался вне устоявшихся в рамках советской историографии понятийных схем. Более того, имела место их полная противоположность, т. к. статья К.Г. Мяло была формой критики В.И. Ленина, что позволяет говорить об интенции закрепления ценностно-рационального компонента в формируемом историческом сознании. Об этом свидетельствует и негативное восприятие М.С. Горбачева, вина которого для автора очевидна. Во-вторых, и это касается идеологического подтекста, было зафиксировано присутствие его либерального и консервативного элементов. Либерализм автора – это аргументация за сохранение системы через возможность «мягкой федерализации». Консервативная импликация находила свое выражение в защите имперского исторического пути, осуществляемой при помощи стратегии эстетизации. В-третьих, статья исследовательницы является хрестоматийным примером того, что Шмидт вслед за Ю.В. Кристевой характеризовал в качестве сцепления дискурсов [Шмидт : 47]. В работу включается структурно-функциональный дискурс, ментально-идеологический, национально-политический, имперский. «Дискурс западного влияния» как характерный способ говорения о прошлом также находит свое место на страницах исследования. Однако доминирующим типом высказывания может считаться имперский дискурс, уникальная особенность которого применительно к авторской работе состояла в том, что К.Г. Мяло не разделяла механицистскую идею исторического закона о неизбежном финале, закодированного в судьбе империи. Главной стратегией историзации для К.Г. Мяло стала специализация, т. е. членение сложного травматического опыта на отдельные зоны, поддающиеся анализу и санкционирующие определенные типы дискурса. Но этим порождались новые возможности возникновения внутренних противоречий, которые скрывались за кажущимся единством целостного лишь формально нарратива.

Приходится констатировать удивительное наблюдение о том, что «дискурс русского фашизма», от которого пыталась отмежеваться К.Г. Мяло, все-таки был интегрирован в ее нарратив и находился на его условном «третьем уровне». Мы поясним это следующем образом. Одно из важнейших положений нарратологии / дискурсологии заключается в целостном восприятии повествования и его подтекста – этим пониманием мы руководствовались в ходе анализа. Если работу К.Г. Мяло можно считать академической и, исходя из специфики журнала, публицистической одновременно, то подтекст – второй уровень (имплицитный) является имперским, что мы пытались доказать. Интерпретация второго уровня требовала отношения к тексту как к «открытому» и подразумевала рассмотрение тех смысловых категорий, о присутствии которых в своем тексте автор даже мог не догадываться, ведь образ предполагаемого читателя в ее представлении вряд ли был связан с реципиентом, осуществляющим постмодернистский подход к работе. Третий уровень связан с выявлением элементов фашизма (в контексте 1990-х гг.), скрытых в имперской повествовательной оболочке и образующих единую смысловую связку. Еще раз обозначим те положения, которые позволили нам прийти к такому выводу. **1.** К.Г. Мяло не говорит о тех негативных последствиях расширения империи, которые сказались на народах, включенных в ее орбиту. **2.** Употребление ею экзистента «нерусский» было обосновано нами как характеристика скрытого презрения. **3.** Исследовательница имплицитно утверждает особую историческую миссию именно русских, нахождение которых за пределами России она конструирует посредством тропа иронии – экзистента «русские иностранцы». Именно на

основании не просто определяющей, но единственно важной для автора роли русских данную часть повествования можно отнести к шовинистическому сегменту политического спектра. 4. Экзистент «демографическое донорство» можно было заменить. В сочетании с предыдущими неоднозначными характеристиками мы можем в некоторой степени говорить о «принципе крови» как биологизаторском аргументе, используемом правыми радикалами. Он предполагает не только «кровное родство», но и пассивное, третьестепенное участие нерусских народов в российском историческом процессе. Следствием этого является отказ другим народам в реализации права на политическую субъектность.

Подобная техника рассмотрения исторического нарратива с целью поиска практик детравматизации, скрывающихся в нем, представляется нам эффективной стратегией понимания прошлого. Однако наибольшую целесообразность такой довольно громоздкой из-за большого количества используемых понятий подход демонстрирует при рассмотрении отдельно взятого повествования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3–20.

Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

Гаташов В.В. Что такое историческое сознание? / В.В. Гаташов, А.В. Лубский // История России в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 84–89.

Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории / Пер. с нем. Федорова Г.И., Савельева М.И. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2004. 581 с.

Кива А.В. После социализма: некоторые особенности переходного периода // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 24–35.

Кириллов В.В. Распад СССР: историографическая парадигма // Вестник МГПУ. 2008. № 1 (22). С. 67–72.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Москва: Институт экспериментальной психологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 160 с.

Мау В.А. Догоняющая модернизация в современной России // Проблемы теории и практики управления. 2004. № 4. С. 13–16.

Миронов Б.Н. Дезинтеграция СССР в историографии: развал или распад // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. Т. 66. № 1. С. 132–147.

Мяло К.Г. Национальный апокалипсис // Родина. 1992. № 5. С. 12–16.

Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Под ред. Л.П. Репиной. Москва: ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.

Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 528 с.

Фуко М. Слова и вещи. Археология знания гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгин, Н.С. Автономова. Санкт-Петербург: А-сad, 1994. 408 с.

Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 318 с.

Шубин А.В. Распад СССР: роль субъективных факторов // Историческое пространство. 2007. № 2. С. 5–37.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. Москва: Изд-во РГГУ, 1999. 344 с.

White H. Tropic of discourse. Essays of cultural criticism. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press, 1978. 287 p.

History

Ivan V. KIRIENKO

master's degree, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia),
kirienko.ivan97@gmail.com

"DETRAUMATIZATION THROUGH HISTORICIZATION" AS AN OPTICS FOR HISTORIOGRAPHICAL ANALYSIS OF KSENIA MYALO'S WORK "NATIONAL APOCALYPSE"

Scientific adviser:

Alexander V. Antoshchenko

Reviewer:

Ilya M. Solomeshch

Paper submitted on: 06/09/2023;

Accepted on: 09/28/2023;

Published online on: 09/30/2023.

Abstract. This article uses Jörn Rüsen's typology of historicization and the method of discourse analysis to examine Ksenia Myalo's work "National Apocalypse" (1993). The author outlines such strategies for overcoming the historical trauma of the dissolution of the USSR as normalization, aestheticization and specialization. It is concluded that the analysis of historical narrative oriented towards identifying the detraumatization practices contributes to a deeper understanding of complex historical events and processes.

Keywords: historical consciousness, ideological subtext, national political discourse, mental-ideological discourse, imperial discourse, structural-functional discourse, normalization, specialization, aestheticization

For citation: Kirienko, I. V. "Detraumatization Through Historicization" as an Optics for Historiographical Analysis of Ksenia Myalo's Work "National Apocalypse" *StudArctic Forum*. 2023, 8 (3): 28–38.

REFERENCES

- Alekseev V.V., Alekseeva E.V. The collapse of the USSR in the context of theories of modernization and imperial evolution. *Otechestvennaya istoriya*, 2003, No. 5, pp. 3-20. (In Russ.)
- Barthes R. *The fashion system. Articles on semiotics of culture*. Moscow, Sabashnikov Publishing House, 2003, 512 p. (In Russ.)
- Gatashov V.V., Lubsky A.V. What is historical consciousness? *History of Russia in questions and answers*. Rostov-on-Don, Fenix, 1999, pp. 84-89. (In Russ.)
- Droysen J.G. *The historicis. Lectures on encyclopedia and methodology of history*. Saint-Petersburg, Vladimir Dal, 2004, 581 p. (In Russ.)
- Kiva A.V. After socialism: some peculiarities of the transition period. *Social Sciences and Contemporary World*, 1997, No. 2, pp. 24-35. (In Russ.)
- Kirillov V.V. The collapse of the USSR: historiographical paradigm. *MCU Journal of Historical Studies*, 2008, No. 1 (22), pp. 67-72. (In Russ.)
- Lyotard J.-F. *The postmodern condition*. Moscow, Institute of Experimental Psychology; Saint-Petersburg, Aletheia, 1998, 160 p. (In Russ.)
- Mau V.A. Catch-up modernization in modern Russia. *Problems of Management Theory and Practice*, 2004, No. 4, pp. 13-16. (In Russ.)
- Mironov B.N. Disintegration of the USSR in historiography: collapse or dissolution. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 2021, Vol. 66, No. 1, pp. 132-147. (In Russ.)
- Myalo K.G. National apocalypse. *Rodina*, 1992, No. 5, pp. 12-16. (In Russ.)
- Rüsen J. Crisis, trauma and identity. *"The chain of times": problems of historical consciousness*. Moscow, IVI RAN, 2005, pp. 38-62. (In Russ.)

- White H. *Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe*. Yekaterinburg, Ural Federal University, 2002, 528 p. (In Russ.)
- Foucault M. *Words and things. Archaeology of the Humanities*. Saint-Petersburg, A-cad, 1994, 408 p. (In Russ.)
- Schmid V. *Narratology*. Moscow, Languages of Slavic culture, 2003, 318 p. (In Russ.)
- Shubin A.V. The collapse of the USSR: the role of subjective factors. *Istoricheskoye prostranstvo*, 2007, No. 2, pp. 5-37. (In Russ.)
- Eco U. *The role of the reader. Explorations in the semiotics of texts*. Moscow, Russian State University of Humanities, 1999, 344 p. (In Russ.)
- White H. *Tropic of discourse. Essays of cultural criticism*. Baltimore, Maryland, Johns Hopkins University Press, 1978, 287 p.